

18+

Мария Кочуганова

[ЖЕ]

НОРМАЛЬНЫЕ

Мария Кочуганова

[НЕ] нормальные

«Издательские решения»

Кочуганова М. В.

[НЕ] нормальные / М. В. Кочуганова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-514316-7

Мы такие разные. Сильные и ранимые. Улыбчивые без причины и трогательные от природы. То гневливые, то безразличные. Всё это о нас. Таких разных, таких нормальных...

ISBN 978-5-00-514316-7

© Кочуганова М. В.
© Издательские решения

Содержание

ПРОСТО АНГЕЛ	6
ДОМ	10
Конец ознакомительного фрагмента.	17

[HE] нормальные

Мария Валерьевна Кочуганова

Оформление обложки Дмитрий Геннадьевич Кузнецов

© Мария Валерьевна Кочуганова, 2020

ISBN 978-5-0051-4316-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОСТО АНГЕЛ

На тарелке снова оказались паровые котлеты и пюре из брокколи. Слава взвыл. И это не фигура речи. Мужчина действительно начал выть над тарелкой, обхватив голову руками. Другого способа выразить своё искреннее негодование он не видел. Виновница же вопля, супруга Людмила, причин для такой бурной реакции не видела, потому и наблюдала за истерикой с изумлением, но молча.

Людмила вообще на все поступки Славы реагировала молча. Слава приносил уличного щенка, а Людмила молча уносила его в приют. Слава покупал путевки в Египет, а Людмила молча меняла их на санаторий в Подмосковье и курс лечебной йоги. Слава уезжал на выходные на дачу, а Людмила молча этого не замечала. Даже если Слава замолчал, в надежде на ответную реакцию, Людмила продолжала молча кормить его эко-продуктами и подкладывать ортопедическую подушку.

Скандалить Слава перестал лет 5 назад. Толку от этого предприятия не было никакого. Любой взрыв эмоций мужа женщина воспринимала со змеиным спокойствием. Она выслушивала претензии супруга, а потом начинала отвечать, ссылаясь на научные статьи, докторские диссертации и подзаконные акты. Любые возражения Славы разбивались о стены с вывесками «Наукой это не доказано», «Согласно закону, я ничего не нарушаю», «Тебе следует внимательнее изучить исследования в данной области». И что тут ответить? Слава тяжело вздыхал и продолжал жевать бланшированную спаржу и пить смузи из пророщенных ростков пшеницы.

А сегодня не смог. Вой закончился всплеском эмоций. Тарелка полетела в стену с таким ускорением, что разлетевшиеся осколки представляли меньший интерес, нежели расплюснутые по обоям котлеты и пюре, претендовавшие на место в истории абстракционизма. Энергетические потоки в организованном по фен-шую пространстве явно поколебались от произошедшего, в отличие от невозмутимой Людмилы.

– Дорогой, что-то случилось?

– А то как же! – со стороны Слава напоминал быка на корриде, – Все чакры забились от твоих ПП-котлет! Долбаный гонг для медитации на рассвете всю энергию ци опускает на полшестого! И знала бы ты, как для выхода в астрал важно хоть раз в месяц выпить пива перед телевизором.

– Алкоголь убивает нервные клетки головного мозга. Кроме того, общая зашлакованность организма... – договорить Людмила не успела, потому что муж снова завыл.

– Значит так! – Слава оперся кулаками о стол, – Я человек простой. Мне от жизни многого не надо. Мяса с картошкой, пива раз в неделю и секса по требованию. И вот этого всего я хочу нормального, а не сублимо-эко-детокс-концентрат.

– Потому и исчез пещерный человек...

– К дьяволу пещерного человека! – Слава ударил по столу, и под его ладонью оказался листок гербовой бумаги, – Я вчера сходил к юристу, потом к нотариусу. Они на меня, как на идиота смотрели, но пришлось потерпеть. Это – договор на одноразовое исполнение брачных услуг. По пунктам всё прописано: жратва, бухло, постель... Всё по закону, никаких правовых норм не нарушает. Изучишь, а потом – делай что хочешь, но все пункты исполни! В противном случае я к соседке Зойке уйду и буду всё недополученное здесь, реализовывать там.

Людмила подошла к договору, как Слава и ожидал, со всей ответственностью и вниманием. Она перенесла бумагу на свой рабочий стол, сняла с книжной полки семейный, гражданский и кодекс административных правонарушений и принялась изучать гербовую бумагу.

Муж наблюдал за супругой и вспоминал начало их совместной жизни. Стройная, гибкая, сексапильная. Люда была легкая на подъем, да и вообще легкая. Секретарь в городском архиве. Какие там паровые котлеты или медитация? Чашка кофе утром и макароны с маслом на ужин –

на большее сил не хватало. А потом Люду повысили, зарплата выросла, и Слава впервые увидел в доме салат из свежих овощей и зеленый чай. Было вкусно. И через 2 года, когда Люда стала Милой, получила должность начальника отдела делопроизводства и приготовила эскалоп с пропаренным кольраби и витаминный коктейль с каплей Лимончелло, было вкусно. И еще через год, когда жена стала отзываться на «Милочка, душа моя!», носить должность специалиста отдела по работе с заявителями министерства культуры и архивов и подавать жаркое из пастернака и эко-телятины, было вкусно.

Сейчас должность «Все зовут меня Людмила, да и я привыкла обращаться к людям по имени-отчеству, но Вы можете звать меня Милой, если такое обращение Вас не смутит» на табличку без сокращений не вмещалась, а от правильного питания выворачивало наизнанку. Удивительно, но работа сказалась не только на еде. Чем выше становилась должность супруги, тем реже в холодильнике оказывалось пиво. Дачные выходные превратились в загородные «уик-энды» с чётким разделением труда – Слава ковырялся в грядках, Мила слушала соловьев. В спальню Людмила притащила чудовище под названием «тантрический секс», от которого у мужчины затекала поясница и болела голова. Только через полгода выяснилось, что это результат получения высочайшего наслаждения. И спорить было бесполезно.

Слава провёл в голове даже особую взаимосвязь между увеличением количества кодексов на полке и уменьшением человеческого в душе супруги. Детей заводить ей было некогда, отпуск брать не позволяла ответственность, а всё остальное запрещала одна из многочисленных духовных практик.

По идее, всегда можно было развестись, но Слава этот вариант не рассматривал. От развода было бы еще больше проблем. Мысли о разделе имущества пугали его не меньше, чем необходимость объяснять произошедшее родителям и многочисленным знакомым. Да и любил он жену, искренне любил. Когда Людмила уезжала в командировку, Слава кайфовал только первые два дня. Потом он начинал скучать по гонгу и хатха-йоге. Мужики над ним посмеивались и за глаза звали «каблуком» и «терпилой». Приходилось признать, что доля правды в этом есть.

Размышления о своей доле Славе пришлось прервать через 10 минут. Именно столько времени потребовалось Людмиле на изучение документа. Судя по лицу, оспорить договор ей было нечем.

– Дорогой, я изучила предложенный тобою документ и нахожу его экстравагантным, но законным. Действительно, подобных прецедентов наша правовая практика не знает, и предложенный тобою вариант решения семейного кризиса представляется мне дипломатическим. Поскольку я не являюсь экспертом в области, которая является предметом договора, то считаю возможным ходатайствовать о недельной отсрочке, для получения мною ряда компетенций и составления проекта, направленного на реализацию твоей потребности.

Слава запутался после второго предложения, но общий тон разговора говорил о согласии жены с договором, и мужчина удовлетворённо кивнул.

Неделю спустя Слава обнаружил в своей электронной почте письмо.

«Уважаемый Вячеслав Анатольевич!

22 июня в 20:00 Вы приглашены на романтический ужин по случаю выполнения супружеского долга во исполнении заключенного договора на одноразовое исполнение брачных услуг. Согласно дресс-коду мероприятия, Вам надлежит явиться во фраке.»

Мужчина не удержался и закатил глаза. Даже на ужин Люда не могла пригласить его по-человечески. Другое дело, что такой ужин в их семейной жизни не случался раньше, так что

неумелое приглашение можно было объяснить отсутствием опыта. В очередной раз Слава оправдывал свою супругу.

В назначенное время мужчина явился в квартиру при полном параде. В честь праздника он не только надел торжественный костюм, но и обзавёлся новым дезодорантом, одеколоном и даже комплектом новых носков и фирменным дорожными трусами. Если уж делать вечер особенным, то по полной программе.

За входной дверью Славу встретил резкий запах благовоний. Собственно, вонь он ощутил сразу, а вот с благостью были проблемы. Мужчина был уверен, что в квартире кто-то умер, пока не заметил расставленные по углам ароматические палочки. Да и их разглядеть было проблематично. Электрическое освещение Людмила отключила, оставив для ориентирования в квартире коридор из свечей причудливой формы. Славе они напоминали нечто крайне неприличное, но долго об этом думать он не стал.

«Тропа света» вела к сервированному столу, во главе которого меж двух подсвечников красовалась свиная рулька. Мясо источало удивительный аромат. Корочка стала медного цвета, а на срезе виднелись капли мясного сока. Кулинарный шедевр на блюде лежал в окружении варёного картофеля, посыпанного укропом. От предвкушения у Славы засосало под ложечкой. Он подумал, что всё это ему снится.

Призрачность происходящего была не долгой. Стоило мужчине протянуть руку к столу, как он ощутил сильный обжигающий удар. У стола в черном латексном костюме стояла Людмила, с плеткой в руках.

– Я не санкционировала ужин.

Сердце Славы запылало! Впрочем, пожар сердца уступал оживленности прочих, менее романтических органов. Рука, конечно, болела, но настроение жены и её подготовленность мужчине явно нравились. Решив, что мясо может подождать, он направился к жене.

– Чего же пожелает моя госпожа?

– Повернись спиной и становись на колени.

Приказ Слава выполнил беспрекословно. В таком положении он встретил первый удар по ягодицам, после пятого удара мужчина насторожился, после 15-го – начал робко выражать недовольство, после 25-го – вырвал плетку из рук жены и спросил, не ошалела ли она.

– Вернись в исходное положение, – голос Людмилы даже не дрогнул, – осталось еще 40 ударов, и мы перейдем к играм с электрошоком.

– Электрошоком?! Ты с ума сошла?!

– Такой метод удовлетворения сексуальной энергии описан в научной литературе и признан наиболее прогрессивным, – и супруга протянула Славе книгу.

«Лучшие БДСМ-практики и их роль в психологии семейной жизни». Книга была похожа на ежа из-за торчащих закладок. На форзаце красовалась аббревиатура РАН.

Слава не протестовал. Он взял рульку в руку и вышел из квартиры. Оказавшись на лестничной площадке, мужчина заплакал.

Идти было некуда, поэтому Слава остался на скамейке у подъезда. Он точно знал, что жена его здесь искать не будет, как прочем и вообще искать. Бегать за другими было не в её характере, даже если этот другой – муж. Впервые за много лет мужчине захотелось закурить. Желание совершенно неосуществимое, ведь благоверная извела все закладки.

– Держи! – Сосед Василий протянул Славе початую пачку «Примы» и присел рядом. У самого папироса уже торчала в уголке рта.

– Спасибо! – Слава взял папиросу, обменяв на рульку, Вася услужливо подставил зажженную спичку, и крепкий дым полился прямо в легкие. С непривычки мужчина закашлялся, но потом свыкся.

– Довела?

– Довела. Не прокатила твоя идея с договором, Вася. Только хуже стало.

- Куда ж хуже-то? – удивился сосед.
- Есть варианты, – ответил Слава и потер рукой ноющий зад.
- Беда, – парировал Вася и снова затянулся.

В элитной многоэтажке постепенно загорались огни окон. За каждым сидел академик, чиновник, писатель, телезвезда или бизнесмен. Сплошь даже не сливки общества – сметана. И Вася вот рядышком сидит в растянутых трениках, а тоже – главврач городской психушки. Большой человек! Одного Слава не понимал. Как его, рядового бухгалтера, занесло в этот кисломолочный замес.

– Может мне всё-таки развестись? – Спросил Слава даже не сам у себя, а у вселенной. Ответ за бесконечность держал сосед.

– Может и развестись. Хотя я большого смысла не вижу. Ты, Слава, привык уже так жить, под чужой указкой. Случаются у тебя, конечно, эпизоды бунтарства, но это так – буря в стакане воды. Вот уйдёшь ты от своей мумии, а через неделю опять тебя потянет на паровые котлеты и спаржу. Это сегодня ты её зверюгой представляешь. Остынешь, приглядишься, и снова жена тебе ангелом покажется. Зависимость такая.

- Что ж мне теперь, всю жизнь терпеть?

Ответа Василий не дал. Они выкурили еще по одной. На пороге подъезда появилась жена Васи Зоя.

– Вот, Зочка! – громко сказал Василий, театрально обняв понурого соседа, – Ничего из нашей затеи не вышло, и даже ты в качестве соперницы не сработала.

– Еще бы! Из твоей воблы, чтобы эмоции выдавить, надо соковыжималку подключать. И вообще кончайте смолить тут, – отрезала Зоя, которая и на стадии плана идею не одобряла, – Пойдёмте ужинать. У меня как раз голубцы готовы.

– Хорошее предложение, душа моя! – подпрыгнул Василий и обнял жену, – Не знаю, Слава, как ты будешь жить дальше, но пока можем, голодным тебя не оставим.

Слава покорно пошел в сторону голубцов, а сам про себя подумал, что не так уж всё и плохо. Только зад страшно болит.

ДОМ

*Посвящается моим братьям,
которым я доверяю больше,
чем самой себе*

За 32 года под елью образовался дёрн. Не сам собою, разумеется, а при заботливом Машином уходе. Ушло почти 3 года на то, чтобы газон стал ровным, а на поле больше не всходила вишневая поросль. Тогда, конечно, никто не думал, что век аккуратной полянки не долгов, и уж тем более – что уничтожит её сама создательница. Мстить за свою гибель газон решил самостоятельно. За 2,5 часа работы её руки покрылись синяками, а яма так и оставалась не глубже полуметра.

Очередной взмах лопатой закончился резкой болью в пояснице. Работу пришлось остановить. Мария с большим трудом выбралась из «окопа». Согнувшись пополам, она доковыляла до ствола ели и села на теплую землю. Неожиданно женщину разобрал смех. Стоило ей представить, как она, отключив зад, шла на перерыв, и приступ хохота повторялся вновь. «Куда же подевалась 18-летний ураган?» – думала она. В пору её юности, всё было иным. Мария закрывала глаза и вспоминала...

...как яркое солнце окончательно превратило её в блондинку. Маша снова посмотрела на себя в зеркало и поняла, что выгоревшие пряди придется подкрашивать. Хотя, валить всё на солнце не было никакого смысла. Сама виновата. День выдался солнечный, работы было не много. К полудню Машка уже освободилась и полезла на крышу сеной загорать. На свой страх и риск, а также на ярость родной тётки. Ту смущало не столько палящее солнце, сколько железная крыша. Тетка боялась, что Машка зажарится, а Машка – что попадет на глаза соседке.

Что не говори, а соседи – милейшие люди. Особенно, если вы с ними близко не знакомы. Фаина Петрова была знакома со всеми, поэтому милейшей соседкой её назвать было трудно. Она готова была часами рассказывать о своей многочисленной родне, демонстративно не замечая, что отрывает Машку от чтения. С соседкой можно было попрощаться, но тогда она начинала пластинку заново. Что девушку всегда удивляло, так это полная противоположность характера мужа Фаины Петровны, Ивана Павловича. Тот никогда не нагружал людей своими историями. Всегда улыбочивый старичок здоровался, говорил, что у него «жизнь – понесут, только держись» и тихонько пел песни у шахтовой вагонетки.

В тот день соседей не было рядом. Тетушка стригла розовые кусты, а родители прятались от палящего солнца на просторном балконе. Вот Машка и провалялась на крышке с книжкой едва ли не до вечера. Она даже успела поспать, поэтому в дом спустилась равномерно прожаренной. Ощутила девочка это уже ночью, когда сидела на железных качелях и смотрела на звёзды. Эта привычка появилась у неё после смерти деда. Заботы о доме и бабушке перешли ей по наследству, и равномерные покачивания помогли сосредоточиться. А еще Машка знала, что лучшей точки для наблюдения за Домом не найти. Прямо перед глазами был дом тётки. В окно было видно, хорошо ли она себя чувствует после работы на участке. Под крышей всегда были братья. Игровая приставка, настольная игра или простая драка на подушках были слышны на всю округу. Даже телевизор в доме через дорогу...

– Всё нормально?

Мария открыла глаза и увидела брата. С годами он обзавёлся бородой и сеткой морщин, но так и остался для неё Сашкой.

– Спину заклинило. Сейчас посижу ещё минутку и продолжу работу.

– Стоит ли оно того? – спросил брат, – Ты сляжешь в собственную яму, но так ничего и не добьёшься.

– Уж лучше лежать в яме, – Мария с трудом встала с земли и взяла лопату, – Ты не оставишь меня. Годы многое изменили, но забота о Доме останется со мной до конца. Уж лучше я останусь лежать в яме, чем увижу его последний день.

Женщина снова принялась копать. Брат смотрел на неё, хотел помочь, но не знал как.

– А если ты ошибаешься? Если здесь ничего нет?

– Тогда Дом уже ничего не спасет.

Александр хотел помочь, но сестра отказалась. Работа лопатой никогда не входила в круг женских обязанностей, но только она знала где нужно копать. Возражать было бессмысленно.

Александр вернулся в дом. Мужчина замер у большого стола в сенях. Удивительно, но по прошествии стольких лет в доме ничего не изменилось. Разве что покрылось тонким налётом времени. Всё тот же потолок, зашитый черно-белыми панелями, на которых со временем появились желтые пятна. Всё та же витая лестница на второй этаж. Именно там проходила большая часть их жизни. Александр хорошо помнил, как...

...молнией слетал вниз к завтраку. Начинался он примерно в 2—3 часа дня, но от этого завтраком быть не переставал. Это и было беззаботным детством.

Второй этаж для Сашики был и спальней, и штабом, и игровым залом, и опорным пунктом. Каждый год они с сестрой понемногу обустроивали комнату. Сначала телевизор, затем игровая приставка. На стенах появились постеры, в шкафах – книги и настольные игры. Однажды на второй этаж перекочевала стопка виниловых пластинок вместе с проигрывателем. Сашка ничего в этом не понимал, но сестра упорно ковырялась с этим старьём, пока проигрыватель не заработал.

Это была их территория. Под вечер все собирались на втором этаже. Сашка с братьями обычно устраивали игровые состязания. Сестра присоединялась изредка, большие читала в свете большого торшера. Никто из них не мог точно сказать почему, но центральный свет никогда не включался. В полумраке было спокойнее. Игры, книги и долгие ночные разговоры. Так походила ночь.

Иногда посреди ночи они спускались в сени ужинать. Все домашние уже спали, поэтому приходилось вести себя тихо. По закону подлости именно за ужином Сашику и братьев разбирал смех. Они зажимали рот руками, отворачивались, убегали в подвал, чтобы просмеяться, но никогда не могли сдержаться. Иногда просыпалась бабушка, но она никогда не ругала их за поздние посиделки. Таков был их миропорядок.

Лишь однажды смех испугал всех их. Это была ночь перед отъездом. Все немного грустили, а Сашка неожиданно начал смеяться. Это продолжалось несколько часов подряд, пока...

Александр зажмурился и потер глаза. Не то было сейчас время, чтобы предаваться воспоминаниям. Мужчина вошел в комнату, где его ждали братья. Теперь им предстояло решать судьбу Дома.

– Она не остановится?

– Нет, – ответил Александр, – Надеется, что найдёт эти чертовы монеты. Говорит, что это последний шанс.

– Дьявол! – редко старший ругался, но случай был особый, – Почти 40 лет прошло! Если она не нашла их тогда, с чего решила, что найдёт сейчас?

– 40 лет назад это была игра. Считайте это – началом финального раунда.

Затянувшаяся игра перестала быть забавной. Захар встал с большой софы и вышел на балкон. С него был виден не только участок. В погожие деньки панорама охватывала весь поселок, озеро, железную дорогу, соседний холм с брошенными домишками и станцию. Картина была знакома мужчине с раннего детства, и в то же время менялась каждый год.

– Посмотрите на это, – Захар почему-то говорил тихо. – Ничто не осталось прежним. Дом изменился, но в нём стало так много от нас.

Братья не ответили, но Захар знал, что они чувствуют то же самое. Они меняли Дом, перестраивали, улучшали...

...наполняли жизнь чудесами. Захарик всегда знал, что вещи вокруг ни те, чем кажутся на первый взгляд. Не крыша, а смотровая площадка. Не балкон, а казино. Не коробка с палками, а арсенал.

Они превращали всё в нечто иное. Однажды целая улица перестала существовать, уступив место автобусному маршруту. У них была куча остановок, своя милиция, стоимость проезда и система штрафов. Из гаража выезжал велосипед, а на первой станции он уже становился автобусом. Пассажиры катались на багажниках от одной остановки к другой, чтобы потом пересесть на другой велосипед и самим стать водителями.

А шалаши во дворе? Захарик всегда считал эту их задумку самой сложной, но перспективной. Большой шатер, яркие ковры на мягкой траве. Они ведь даже электричество туда провели. Пусть и под чутким руководством родителей, но провели же. Век у шалаша был не долгий, но яркий. Многие игры заканчивались быстрее, чем подготовка к ним. Как-то раз Машка предложила им поиграть в поиски клада. Она несколько дней раскладывала записочки с подсказками, которые должны были привести к большой жестяной банке с монетами, закопанной где-то в саду. Захарик помнил, с каким воодушевлением сестра готовила записки, но игра не удалась. Неожиданно начался дождь и смыл половину подсказок. А когда Машка сдалась и решила выкопать банку, то не смогла её найти.

У них было целых 2 дома, но ни в одном Захарик не чувствовал себя чужим. Он даже думал иногда, что эта большая семья похожа на мафиозный клан. Когда он видел, как члены его семьи занимаются делами, его охватывало приятное обволакивающее чувство правильности. Так выглядел уют. Каждый чем-то занят, но при этом они все вместе. И он, маленький мальчик, часть этого огромного уюта...

– Дом давно уже перерос сам себя, – Захар смотрел на маленькую баню у самой ограды, – Это мы все, и если сестра хочет спасти нас, мы не можем сдать, не попробовав.

– Хочешь найти монеты?

– Нет, – Захар помотал головой, – Если она не нашла их 40 лет назад, то не найдёт и сейчас. Но кто сказал, что это единственный выход?

– У тебя есть идея? – спросил Глеб. Брат не сразу ответил.

– Нет, но сдаваться я не намерен. Я вспоминал наше детство. Мы ведь никогда не отступали. Через самое жуткое мы проходили вместе. Неужели отступимся сейчас?

Брат был прав. Глеб хорошо помнил, как самые невинные шалости оборачивались едва ли не катастрофой. А больше всего доставалось самому младшему – ему. Галька, прутья забора, бетонная тропинка...

...или коряга в лесу – на всём можно было найти следы Глебушкиной крови. Если кто-то и был мальчиком-катастрофой, так это он. Старшие часто волокли его домой с разбитыми коленками.

А бывали случаи и более опасные. Чего только стоила их игра в скалолазов. Скальник рассыпался прямо под ногой, а ветка рябины оказалась недостаточно крепкой. Гле-

бушка даже не успел крикнуть, как лежал на спине, ощущая острые края камней. Боль он почувствовал позже. Тогда они с Сашкой договорились, что ничего не скажут взрослым. Расцарапанная синюшная спина сказала всё за них, но, ковляя до дома, мальчишки были уверены, что сохраняют всё в тайне.

Хуже всего Глебушке было в лесу. Узкая тропинка – и вот уже мальчишка ударился лбом о ствол березы. В высокой траве Глебушку всегда находила крапива. На болоте он поскользнулся или оказывался одной ногой в трясине. Перебираться через бурелом для него было сущим наказанием – сухие ветки царапали лицо и норовили попасть в глаза. Весь лес был сущим наказанием, но детей тянуло туда. Они часто забирались на деревья. Иногда подолгу гуляли, играя в «Казаков-разбойников» с элементами шпионажа. Да и тарзанка всегда была в их распоряжении. Она была глубоко в лесу и путь был не простым, но усилия стоили того...

– Стойте! – Глеб буквально подпрыгнул со стула. – Я, кажется, нашёл выход...

Яма уже была глубже, чем нужно раза в два. Мария могла стоять там во весь рост. У неё болела спина, руки покрылись волдырями мозолей, по лицу стекал пот. И всё равно продолжала копать. Глупая, почти детская надежда, что вот-вот, вот сейчас, через секунду лопата упрется в металл.

– Может, остановишься?

Над ямой стояли братья. Все трое ухмылялись, и Марии показалось, что мужчины помолодели лет на 30. Ей и самой захотелось улыбнуться, но боль и усталость были сильнее секундной радости.

– Чего вам, обормоты? Сразу предупреждаю – монеты я еще не нашла, но до нефти осталась всего пара метров, так что не советую меня отвлекать.

– Такая находка была бы крайне несвоевременной, – Александр протянул сестре руку, – Вылезай, а то ты своими полезными ископаемыми порушишь нам все планы.

Мужчины вытянули Марию из ямы. Вся одежда женщины была покрыта землей. Захар аккуратно снял с плеча маленького паука. Он сделал это незаметно для сестры, не хотел её пугать. Мария была измотана, не стоило её добивать.

– А тут приятно, – женщина прикрывала глаза ладонью, – светло, птички. Удивительно приятные пейзажи, но вы же меня не птичек вытащили слушать.

– Пойдём в дом, – предложил Глеб. – Мы тебе там водички холодной налили, бутерброды. Отдохнёшь и поговорим.

– Это приятно, конечно, но пока мы разговариваем, к Дому подбираются потенциальные покупатели. Нужно торопиться.

– 10 минут погоды не сделают, – отрезал Александр.

Сестре пришлось смириться. В доме всё было так, как и сказал Глеб. Холодная вода в стакане чуть успокоила боль в ладонях. Мария съела бутерброд и поняла, что безумно голодна. Она хотела съесть еще один, но не смогла потянуть руку. Усталость сковала всё тело. Всё, о чём Мария мечтала в эту минуту – уснуть. Она сама не заметила, как залипла, глядя на стакан воды.

– Ты устала, – Глеб положил руку сестре на плечо.

– Это не страшно. Как только Дому перестанет угрожать продажа, отдохну, – улыбнулась сестра.

Братья переглянулись и снова заулыбались.

– Тогда можешь начинать прямо сейчас, – Захар откинулся на спинку стула, – Идея пришла в голову Глеба, но потрудиться пришлось всем. Короче... Помнишь как мы бегали в лес на тарзанку?

Мария кивнула, хотя и не совсем понимала, к чему брат клонит.

– Ну так вот, Мы вспомнили, историю про зону реликтовых лесов на правой стороне поселка. Я позвонил в Минприроды, у меня там знакомый, и оказалось, что в эту зону входит не только заброшенный посёлок, но и тарзанка, и болото, и еще 17,5 гектаров земли. На таких территориях нельзя вести снос или строительство. Там ведутся только рекультивационные работы, а раз уж ты последний фанатик, который продолжает здесь жить в полном одиночестве, министерство пошло тебе на встречу. Дом оставят в покое с условием, что ты возьмёшь на себя заботу о восстановлении леса.

Когда все пришли в себя после неожиданной радости, мужчинам удалось уложить сестру спать. Она моментально отключилась, а братья занялись своими делами. Александру предстояло закопать яму. Он взялся за лопату, когда увидел у основания старой яблони жестяную банку, оплетённую корнями. Ту самую банку.

«Знаешь, бро, есть такой приём в литературе. Deus Ex Machina называется. Если у автора закончилась фантазия и он не знает, как закончить текст, то появляется маленькое чудо, которое положительных героев награждает, а отрицательных наказывает. В жизни так не бывает, но вдруг пригодится»

«Не бывает, значит!» – подумал мужчина, и присыпал спасительные монеты землёй.

СТРЕЛКА... ХОТЯ МОЖЕТ ЭТО НАЗВАЕТСЯ ПО-ДРУГОМУ

Григорий Семёнович закатал рукава, подтянул за ремень брюки и нахмурил лоб. Отражение в зеркале оказалось крайне устрашающее, что мужчину вполне устраивало. Форма должна была соответствовать содержанию и крепко ударить по другой форме. Выйдя из дома, Григорий Семёнович отправился на стрелку! Хотя может это называлось и по-другому... А началось всё с организованной по законам площадной культуры фразы из группы «Я твой дом труба шатал!».

Само собой текст был гораздо грубее, да и не к дому Григория Семёновича относился, но задел за живое. Такое живое, что ведущий архитектор одной из столичных строительных компаний Григорий Семёнович Рыжов впервые не закончил чертеж торгового центра в срок, за что и получил нагоняй. И хотя мужчина везде и всюду проповедовал христианские ценности смирения и прощения, испорченная репутация и уязвлённое самолюбие оказались сильнее религиозных убеждений. По дороге домой Рыжов готов был разорвать нахала на мелкие клочки и выложить этой мозаикой пол в уборной.

«Мозаику» звали XBASS. Ничего более конкретного Григорий Семёнович, он же *Молот Гефеста*, об обидчике не знал. Сетевой чат, на котором Рыжов зарегистрировался несколько дней назад, обещал полную анонимность участникам. Если, конечно, они сами не готовы были раскрыть свою личность в приватной переписке. Ограничений в темах модераторы не делали, да и к перепалкам между участниками относились равнодушно. В результате такого завидного спокойствия или же по другим причинам, любой конфликт быстро сходил на нет, участники обменивались ободряющими смайликами и переходили к менее острым темам: домашнему меню, погоде за окном, качеству краски для волос.

У Григория Семёновича не было поводов жаловаться на жизнь. Хорошая работа, просторная квартира в центре, автомобиль представительского класса, умница жена и красавица любовница, 15-летний сын – всё как у всех, а может и чуть лучше. Мужчину можно было бы назвать счастливым, если бы он таковым себя ощущал. Обласканный судьбой, Рыжов был бесконечно одиноким жителем мегаполиса. Это одиночество и толкнуло архитектора на просторы интернета. В чате он сразу прижился. Доброжелательная атмосфера и приветливые участники окончательно убедили Григория Семёновича в решении заходить чаще.

И вот одна фраза порушила всю идиллию! Началось всё с безобидной истории *Рыжий КоТик*. Незвестная девушка застряла в лифте и поделилась подробностями своего злключения в чате. *Молот Гефеста* тут же квалифицированно рассказал о возможных

причинах поломки. И только Григорий Семёнович начал сетовать на неподобающее поведение пассажиров лифтов, как XBASS влез в разговор, откомментив всю переписку зеленым смайликом. Дескать его тошнит. *РыЖий КоТик* внимания на наглеца не обратила, а вот Рыжов обратил.

Молот Гефеста: *Простите, Вы это мне отправили?*

XBASS: *Тебе, зануда*

С одной стороны, на такие выпады можно было особо и не реагировать – мало ли в интернете троллей, с другой – ну хамит же! Григорий Семёнович несколько раз глубоко вдохнул и продолжил переписку.

Молот Гефеста: *Я пытаюсь помочь девушке в её беде. Если Вам не нравится – не читайте.*

XBASS: *Типичная отмаза) Умником прикидываешься, а на деле ни хрена не знаешь. Просто у нас строители работают через} | {опу и воруют миллиардами, а простые люди от этого страдают.*

Не сразу мужчина распознал в сообщении замаскированную букву «Ж». Ответ на клавиатуре отозвался чуть более сильным стуком и крайне агрессивными ударами по пробелу. Последний остаток воли прилагал Григорий Семёнович, чтобы не послать обидчика ниже ватерлинии.

Молот Гефеста: *Чтобы Вы знали, я почти 20 лет занимаюсь проектировкой и строительством. О поломанных лифтах знаю не понаслышке.*

XBASS: *Нехило значит наворовался на обманутых дольщиках и заныканных стройматериалах) Хату в Испании уже достроил, хапуга?)*

Всё. Крышку с чаши терпения сорвало окончательно. Незаконченный проект был забыт окончательно, и Рыжов яростно долбил по несчастным клавишам, силясь максимально точно выразить своё негодование.

Молот Гефеста: *Видать ты много понимаешь, раз такие вещи пишешь! Я ведь и привлечь могу за клевету!*

Ответа долго не было, и Григорий Семёнович решил, что победа за ним. Однако торжество было преждевременным. Сообщение XBASS Рыжов перечитывал несколько раз, задыхаясь от возмущения. Длиннющий текст можно было свести к трём тезисам: *Молот Гефеста* – врун и гомосексуалист, в реальной жизни он ничего стоящего не добился, XBASS вступал в сексуальные отношения с женой Григория Семёновича и не единожды. Всё было изложено в крайне грубой форме, с применением прямых оскорблений и крайне раздражающих смайликов.

Следующие 2 часа все усилия архитектора Рыжова были направлены на моральное уничтожение обидчика. Оригинальные зоометафоры, принижение умственных способностей, констатация безграмотности. Мужчина позволил себе даже комментарий относительно матери XBASS, с коей якобы бывал физически близок за весьма скромную плату. Тщетно. Все оскорбления отлетали от нахала и рикошетили в Григория Семёновича с новой силой. Рыжов даже не заметил, что кроме его самого и XBASS никто больше в чате не разговаривал.

Ругань могла продолжаться весь оставшийся вечер, но тут оказалось, что свидетелем героического сражения стал начальник Григория Семёновича, Михаил Михайлович. Тот несколько минут наблюдал за ходом битвы, стоя за плечом подчинённого и громко кашляя.

К сожалению, Рыжов не понял тонкого намёка, за что и поплатился строгим выговором. После этого у мужчины оставалось последнее средство.

***Молот Гефеста:** Задрал ты меня, тварь! Давай решим по-мужски. В субботу, 10 утра. У фонтана в парке Революции. Если ты не трус, то придёшь и за базар ответишь.*

***XBASS:** Я престарелых голубков не боюсь. Готовься. В субботу будешь моему ботинку задницу подставлять)*

После этого Рыжов выдохнул, отключил интернет и начал готовиться к предстоящей драке.

Суббота для Григория Семёновича началась почти в 5 утра. Он аккуратно выбрался из постели, чтобы не разбудить жену, и пошел в ванную, где почти час репетировал под душем вступительный монолог. Начинаясь он с уверенного «Ну вот мы и свиделись, ублюдок!» и заканчивался размашистым ударом по морде обидчика. Мужчина настолько погрузился в образ, что наградил оплеухой кафельную стену. Пришлось потратить еще полчаса, чтобы наложить бинт на опухшую кисть.

Следующий час Григорий Семёнович провел в поисках подходящего костюма. Строгий офисный пиджак и белая рубашка были отбракованы сразу. Следом непригодными были признаны синие джинсы с потертостями и легкая черная водолазка. Слишком уж интеллигентно в них смотрелся Рыжов, а ситуация требовала иного. Перебрав еще с десяток вариантов, Григорий Семёнович остановился на сером спортивном костюме с белыми лампасами и гордой надписью «abibas» на груди. Правда резинка в трико оказалась порвана, так что брюки пришлось зафиксировать на раздувшейся талии армейским ремнём. И вот, вполне удовлетворенный своим внешним видом, Рыжов собрался в путь. Перед выходом он еще раз проверил, не проснулась ли жена, и заглянул в комнату сына. Последнего дома не оказалось, но Григория Семёновича этонисколько не удивило. Сын частенько уходил ни свет ни заря и возвращался за полночь.

Довольный благополучием собственного дома, *Молот Гефеста* отправился на стрелку. В указанном месте Рыжов оказался на полчаса раньше, чем было запланировано. Небольшую фору мужчина решил использовать для создания подходящей мизансцены. В парке было пусто. Выбрав место у чаши фонтана, Григорий Семёнович присел на корточки и начал представлять, как отомстит за поруганную честь. Полёт фантазии прервал дерзкий, почти мальчишеский голос:

– Ты драться на корточках собрался, Молоточек?

«Ну молись, сопляк!» – подумал Григорий Семёнович, поднимаясь с земли и готовясь к удару. Подготовка была бессмысленной.

Через 40 минут *Молот Гефеста* и *XBASS*, он же Пашка Рыжов, ученик 9 класса, хмуро гоняли по тарелкам горячий рассольник. Маргарита Петровна никак не могла понять, что происходит с мужем и сыном. Оба пришли домой хмурые, но сказали, что «всё норм». Допытываться было бесполезно.

Пашка время от времени потирал затылок, по которому получил затрещину от отца. Григорий Семёнович же вспоминал свою переписку с сыном и ругал себя на чём свет стоит. Правда, в потоке самоистязания мужчина всё-таки успел отметить, что ни разу не соврал. Правдой была и история о работе, и объяснение устройства лифта, и даже замечания о физической близости с матерью *XBASS*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.